

и точно передающие психологические переживания своих лирических персонажей, — «Где его не вижу — по нем сердце болит» и «Вечор у меня девица была». Но дело в том, что автор пытается метод изображения действительности, свойственный одной части песенной поэзии, обнаружить во всех песнях, всю песенную лирику отнести к дореалистическому типу творчества, отказать лирической песне в изначальной способности к психологическому изображению, восторгаясь при этом ее психологизмом.

Оценка А. А. Гореловым народных песен, его отношение к ним обнаруживают в нем исследователя, изучающего фольклор с точки зрения литературы, профессиональной поэзии. Что же, эта позиция не нова. Однако хотелось бы заметить: не следует рассматривать народную поэзию как ступеньку в развитии поэзии вообще, и в частности литературной. Что «хуже» — народная поэзия или литературная? Этот вопрос дискутировался еще в XIX в. Высказывались прямо противоположные суждения. А. А. Горелов, очевидно, на стороне тех, кто считал и считает народную песню «хуже» литературной, профессиональной поэзии: она наивно-непосредственна по форме, ей «недоставало гибкости», она «не выработала четкой системы ограничений „я“ исповедующейся личности от „я“ другого человека — героя», при знакомстве с песнями создается «подчас впечатление неслаженности текстов» (с. 15) и т. д. Но разве можно судить о народной песне по законам литературной поэзии XX в.?

На смену лирической песне приходит частушка. Частушка, по мысли А. А. Горелова, пошла дальше лирической песни в изображении психологии человека, в передаче индивидуального сознания. Можно ли с этим согласиться? Нет. Частушки, как новый, иной вид песенной лирики, по-другому выражают психологию своих лирических персонажей, но не лучше, чем в лирических песнях! Что касается утверждения, что «в частушке фольклор достигает потенциально содержавшейся в лирической песне индивидуализации художественного самовыражения» (с. 331), то и оно достаточно спорно. Частушка, как и песня, должна была «прилагаться к чувствам решительно каждого человека» (Чернышевский), иначе она не была бы фольклорным жанром. Другое дело спектр выражающихся в частушке чувств: он шире, разнообразнее, чем в лирической песне. О том, что частушка не пришла на смену лирической песне, а вместе с ней способствовала более глубокому раскрытию психологических переживаний человека, говорит тот факт, что они до сих пор сосуществуют в репертуаре народных исполнителей.

А. А. Горелов любит частушки, он увлечен ими, и это сказалось на его статье о частушках, помещенной в сборнике (с. 330—347). Давно не приходилось читать столь ярко написанного очерка о фольклоре. Поэзия частушки показана тонко, талантливо, искрометно, поэтично. И все же нельзя согласиться с исследователем, когда он, пытаясь поднять частушку на более высокую ступень поэтического развития, принижает художественные возможности и достоинства лирических песен, подходя при этом к ним с позиций литературы.

Итак, три сборника народной поэзии... Впервые за многие годы массовый читатель получил в руки такой объемный поэтический материал, отражающий объективное существование русского песенного искусства. Отбор текстов, вступительные статьи, научный уровень и доступность делают их заметным явлением в фольклористике — в науке, которая всегда была близкой широкому читателю. Вместе с тем эта публикация народной поэзии обнаруживает и существующие в науке проблемы, разные подходы к изучению песен и причитаний. Решение этих проблем, обсуждение подходов, несомненно, скажется и на будущих фольклорных изданиях.

Ю. Г. Круглов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Я. Пропп. Русская сказка/Отв. ред. К. В. Чистов, В. И. Еремينا. Вступит. ст. К. В. Чистова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984, 334 с.

В творческом наследии В. Я. Проппа проблемы сказковедения занимают важнейшее место. Первой его работой была «Морфология сказки» (1928 г.), последней — «Русская сказка»; из шести монографий ученого три посвящены исследованию сказки, о сказке идет речь в значительной части его статей. Почти исключительно изучением сказки занимается он на протяжении первых 20 лет своей научной деятельности — с

середины 20-х до середины 40-х годов, т. е. до выхода в свет «Исторических корней волшебной сказки» (1946). Все основные его работы, посвященные другим темам (народному эпосу, лирике, земледельческим обрядам, комическому в литературе), написаны позже. Но и в 50—60-е годы ученый неоднократно возвращается к изучению сказки при подготовке к изданию трехтомника сказок А. Н. Афанасьева (М., 1957/1958), при исследовании кумулятивной сказки и при чтении в ЛГУ в начале 60-х годов спецкурса, легшего в основу рецензируемой книги, хотя, судя по публикациям этого периода, его больше интересуют общие вопросы фольклористики (жанры устного народного творчества, специфический характер отражения действительности в фольклорных произведениях, проблемы историзма повествовательного фольклора).

Дело, однако, не в количественном преобладании сказковедческих работ в наследии В. Я. Проппа, а в том, что именно в области сказковедения им было сделано крупнейшее в филологической науке XX в. открытие: выявлена морфологическая структура фольклорного повествования, что впоследствии оказало огромное и решающее влияние на становление целой области науки — нарративистики, т. е. теории построения повествовательных текстов, причем не только фольклорных. В этом плане с «Морфологией сказки», в сущности, нельзя сопоставить даже другие работы самого В. Я. Проппа, сколь бы ярки, талантливы и оригинальны они ни были. Удивительно точно найденная закономерность сюжетно-композиционной организации произведений, ее безусловность в сочетании с универсальностью, с возможностью продуктивного приложения к чрезвычайно широкому кругу явлений словесного искусства обеспечили «формуле (или «схеме») Проппа» необыкновенную популярность и жизнеспособность, выведя ее из-под контроля создателя, неоднократно возражавшего против ее расширительного толкования. Столь удивительной судьбы не имели другие исследования В. Я. Проппа. Более того, безотносительно к их самоценности, обычно весьма высокой, они еще дополнительно освещались и отраженным светом «Морфологии сказки». Впрочем, по отношению к сказковедческим работам это абсолютно справедливо, ибо они вполне реально представляют собой цикл исследований — от «Морфологии сказки» и «Трансформаций волшебной сказки» через анализ отдельных сказочных сюжетов, тем и мотивов до «Исторических корней волшебной сказки». Цикл, посвященный именно волшебной сказке¹, может быть дополнен лишь небольшим позднейшим частным исследованием кумулятивной сказки². Основной сюжет сказковедческих разысканий В. Я. Проппа — описание структуры («морфологии») явления с целью исследования его генезиса. Парадоксальным образом результаты первого, как бы «подготовительного» этапа анализа по своему значению далеко превысили результаты «основного» этапа. Именно они сделали В. Я. Проппа крупнейшим сказковедом нашего времени.

Появление рецензируемой книги оказалось для многих неожиданностью — мало кому было известно о существовании этой рукописи. Когда в 1967 г. зашла речь о публикации его неизданных работ, сам Владимир Яковлевич назвал только «Проблемы комизма», ни словом не обмолвившись о существовании еще одной книги, очевидно, считая ее далекой от завершения. В этой — вынужденной — незавершенности она, спустя 14 лет после смерти автора, и вышла в свет. При этом, как пишет К. В. Чистов, книга должна была иметь итоговый характер, а пафос ее — педагогический (с. 20).

«Итоговый характер» — это относится главным образом к центральной главе о волшебной сказке, прочие же части книги в большей мере связаны именно с ее педагогическим пафосом, а углубленных исследований за ними не стоит (кроме, пожалуй, небольшой и уже упоминавшейся главы о кумулятивной сказке). Здесь много «попроповски» точных и умных наблюдений (характеристика новеллистических сказок, их «условный реализм», с. 245—251; соотношение их мотивов с аналогичными мотивами волшебных сказок, прежде всего с мотивом «трудной задачи», с. 256—257), критика некоторых шаблонных представлений, распространенных в фольклористике (якобы лежащие в основе сказки о животных наблюдения за действительными повадками зверей, несостоятельность приписывания данной жанровой разновидности аллегорического смысла, дидактической и сатирической направленности, с. 301—303). Все сказанное здесь особенно интересно и ценно, поскольку и сказка новеллистическая, и сказка о животных поныне остаются очень мало изученными. Однако следует еще раз повторить: главы о новеллистической сказке, сказке о животных и о бытовании сказки скорее представляют собой обзоры материалов с выделением и обсуждением основных исследовательских проблем в этих областях: проблем генезиса, специфики и поэтики

¹ Как известно, «Морфология сказки» поначалу имела заголовок «Морфология волшебной сказки» (*Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 136), а первое предварительное сообщение о результатах исследования называлось еще точнее: «Морфология русской волшебной сказки» («Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ». Л., 1927, с. 48—49). Однако когда встал вопрос о втором издании «Морфологии сказки» и Владимиру Яковлевичу предложили вернуться к первоначальному названию, он отказался, резонно возразив, что книга уже вошла в научный обиход как «Морфология сказки» и любые модификации ее заголовка лишь собьют читателей с толку. Отказался он и от переиздания в той же книге каких-либо своих статей, сославшись на то особое положение, которое заняла «Морфология сказки» в научной традиции.

² К сказанному по поводу этой работы в предисловии К. В. Чистова надо сделать маленькое уточнение: впервые она была издана на итальянском языке в сборнике «Riserche semiotiche» (Torino: Giulio Einaudi editore, 1973, p. 87—106), для которого ее специально и подготовил автор.

данных жанровых разновидностей устной народной прозы, а также проблемы выделения различных типов сказочников.

Обзор сказковедческой литературы, заканчивающийся 1930-ми годами производит странное впечатление, особенно если учесть, что спецкурс, лежащий в основе книги, читался уже в 60-е годы. Однако во вступительной статье К. В. Чистов предупреждает, что этот обзор есть не «чистая» историография, но лишь подготовка к восприимчивости идей самого В. Я. Проппа. Процесс их формирования для нас, конечно, чрезвычайно интересен. Впрочем, критический пересмотр сказковедческой традиции делался им скорее всего задним числом — когда идея «Морфологии сказки» уже существовала, но проведенное исследование еще предстояло соотнести с широким контекстом мирового сказковедения. Хотя при этом «точкой отсчета», как справедливо отметил К. В. Чистов во вступительной статье (с. 9, 11), были для В. Я. Проппа труды А. Н. Веселовского, а на дальнейший ход исследования определенное влияние оказала книга В. Б. Шкловского «О теории прозы», рождение идеи сам Владимир Яковлевич объяснял как эвристическое, возникшее при просмотре сказочных текстов из довольно случайного наблюдения «на свежий глаз», когда после окончания Петроградского университета (т. е. после 1918 г.) он для восполнения образования стал читать сборник Афанасьева (В. Я. Пропп. Фольклор и действительность, с. 135—136).

Резонно предположить, однако, что молодой ученый был уже вполне подготовлен к идее «морфологии» и эта подготовка не имела непосредственного отношения к складывающейся тогда «формальной школе» в литературоведении, восходя к иным философским и методологическим основам. Показательно, что в студенческие годы Владимир Яковлевич был близок к петербургскому кружку молодых филологов, объединенных интересом к философии художественного творчества, к эстетике и поэтике романтизма. В этот кружок входили поэт и литературовед Ю. А. Никольский, литературовед Е. Р. Малкина, Б. М. Эйхенбаум — автор своих ранних статей (еще доопоязовского периода) о Державине и Карамзине, В. М. Жирмунский, занимавшийся в то время немецким романтизмом, поэт В. А. Рождественский³.

Идея «морфологии сказки» была, очевидно, подсказана не столько взглядами формалистов на литературное произведение как на систему приемов (что едва ли результативно при изучении фольклора), сколько представлениями об общих законах развития форм органической природы и феноменов культуры. Наиболее явно выражено оно в статье «Трансформации волшебной сказки» (1928): «Изучение сказки во многих отношениях может быть сопоставлено с изучением органических образований в природе... Как здесь, так и там возможны две точки зрения: или внутреннее сходство двух внешне не связанных и не связуемых явлений не возводится к общему генетическому корню — теория самостоятельного зарождения видов, или это морфологическое сходство есть результат известной генетической связи — теория происхождения путем метаморфоз и трансформаций, возводимых к тем или иным причинам» (В. Я. Пропп. Фольклор и действительность, с. 153; ср. также с. 155). Позднее В. Я. Пропп подчеркивал, что термин «морфология» не имеет отношения к грамматике — он заимствован у Гете, который применял его к ботанике и остеологии, и имеет более широкий (онтологический) смысл (там же, с. 134). Именно этим объясняется его досада по поводу снятых в английском переводе «Морфологии сказки» эпиграфов из Гете, имеющих отнюдь не орнаментальный характер, но долженствующих выразить основную мысль книги, «смутно вырисовывавшуюся» автору уже при ее создании: «Область природы и область человеческого творчества не разъединены. Есть нечто, что объединяет их, есть какие-то общие для них законы, которые могут быть изучены сходными методами» (там же, с. 134).

С другой стороны, В. Я. Пропп в общем сочувственно пишет о «палеонтологическом» методе Марра в приложении к фольклорному материалу (В. Я. Пропп. Русская сказка, с. 161, 167—170), видя в нем оборотную сторону стадияльно-исторического анализа, каковой он считает одним из основных достижений советской фольклористики (с. 161—167). Если вспомнить все сказанное выше, этот принцип стадияльного развития окажется вполне аналогичен закону биологической эволюции: «Вопрос о „присхождении видов“, поставленный Дарвиным, может быть поставлен и в нашей области» (В. Я. Пропп. Фольклор и действительность, с. 153).

Впоследствии, стремясь к академической точности при обозначении открытого им закона, В. Я. Пропп склонен даже отказаться от гетевского термина «морфология», заменив его на «композицию» (там же, с. 141), что он и делает в рецензируемой книге, где выражение «морфология сказки» практически не употребляется. Тем не менее именно морфологический принцип в описанном выше его понимании все-таки оказал определенное влияние уже на фольклористические работы 1930-х годов. Известный лексикограф-монголовед К. М. Черемисов рассказывал, с каким пиететом его учитель, академик Б. Я. Владимирцов, говорил студентам о «Морфологии сказки», характеризуя ее как величайшее научное достижение. Один из учеников В. Я. Владимирцова, Г. Д. Санжеев, в работе «Эпос северных бурят» не только активнейшим образом использует прямо заимствованную у В. Я. Проппа терминологию («ход» повествования,

³ См. в письме Б. М. Эйхенбаума к Л. Я. Гуревич: «Сегодня получил письмо от одного нам близкого с Юрой [Никольским] человека — В. Я. Проппа» (в тексте фамилия написана так). — ЦГАЛИ, ф. 131, № 201. О Ю. А. Никольском и Е. Р. Малкиной см.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследование. Кн. 3. М., 1982, с. 443, 462, 464. Пользуюсь случаем поблагодарить Р. Д. Тищенко, указавшего мне на все эти факты.

«вредитель») ⁴, но и вполне «в пропповском духе» анализирует свой материал, вводя понятие «слоевого состава» эпоса, по своему значению в известной степени подобного археологическому памятнику ⁵. Для исследователя разные эпические произведения бурят это варианты находящегося на разных стадиях единого бурятского эпоса — вспомним инвариантную структурную формулу В. Я. Проппа и ее истолкование в эпиграфе к «Морфологии сказки» (М., 1969, с. 83) через гетевское «перворастение» (Urfllanze)! Вероятно, это не единственный пример непосредственного влияния пропповских идей на советскую фольклористику того периода — задолго до «второго рождения» «Морфологии сказки» в 60-е годы, уже в контексте новейших структурно-семиотических исследований.

В заключение — несколько слов о вступительной статье К. В. Чистова к рецензируемой книге. В появившейся недавно рецензии А. Либермана сказано, что здесь биография В. Я. Проппа фальсифицирована ⁶. Это предвзятое и прямо несправедливое суждение. Прежде всего К. В. Чистов вообще не дает ни биографии В. Я. Проппа, ни обзора его работ, но весьма полно и объективно освещает ту культурно-историческую и научную обстановку, в которой происходило формирование идей ученого. В статье объясняется внутренняя взаимосвязь всех его сказковедческих работ, в также рассматриваются причины, по которым «Морфология сказки» лишь спустя 30 лет получила в мире известность, сообразную ее значению. Отнюдь не сглаживая всех драматических моментов судьбы В. Я. Проппа и его трудов, К. В. Чистов пишет о неприятии «Морфологии сказки» вульгарно-социологической критикой и значительной частью университетских и академических фольклористов 30—50-х годов (с. 13—14), о неодобрительном упоминании этой книги (как якобы «формалистической») в учебниках по фольклористике этого периода (с. 7), о грубых и тенденциозных нападках на «Исторические корни волшебной сказки», сказавших первоначальный замысел следующей книги В. Я. Проппа — «Русский героический эпос» (с. 16, 18). Но одновременно — и это весьма существенно — К. В. Чистов разоблачает ряд устойчивых легенд и домыслов, связанных с именем В. Я. Проппа: о решающей связи его концепций с западноевропейской (прежде всего с немецкой) наукой (с. 8—9), о том, что вульгарно-социологическая критика («за формализм») побудила его обратиться к историческому изучению сказки (с. 12—14), о непризнании его на родине (с. 18—19). Все суждения К. В. Чистова в этих моментах убедительны и могут быть подкреплены еще большим количеством свидетельств. Некоторые касающиеся данных предметов соображения были изложены и в настоящей рецензии.

Итак, издана последняя из ранее не публиковавшихся работ В. Я. Проппа. Будем ожидать теперь скорейшего переиздания «Исторических корней волшебной сказки» — после этого современному читателю станет легко доступным практически все творческое наследие замечательного ученого.

С. Ю. Неклюдов

⁴ Аламжи Мерген. Бурятский эпос. М.—Л., 1936, с. XXV, XXXIII и др.

⁵ Там же, с. VIII, XXV.

⁶ Lieberman A. (реп.). Russkaja skazka, By V. Ja. Propp. Leningrad, 1984.— J. Amer. Folklore, 1985, t. 98, p. 347. Англоязычный читатель теперь получил возможность ознакомиться со статьей К. В. Чистова. Ее перевод (под названием «В. Я. Пропп: легенды и действительность») появился в лондонском журнале «International Folklore Review» (1986, № 3).

О. А. Осипова. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985. 128 с.

Выход в свет книги О. А. Осиповой — факт в известной мере знаменательный, ибо свидетельствует о том, что изучение традиции как самостоятельной социологической, этнографической и культурологической проблемы достигло у нас в стране определенной зрелости. И что возникла нужда не просто в новых исследованиях традиции и связанных с нею вопросов, но и в историографическом осмыслении того, что уже сделано как у нас, так и за рубежом.

Понять наметившийся в последние два-три десятилетия «бум» в изучении традиции как явления, как части культуры и образа жизни можно лишь в достаточно широком социально-политическом контексте. Распад колониальной системы империализма в послевоенные годы привел к появлению десятков новых государств. Перед мировым сообществом встала небывалых масштабов задача: такое преобразование социально-экономических, политических и культурных структур этих государств, которое позволило бы им занять достойное место в современном мире. Естественно, что вокруг этой задачи развернулась ожесточенная борьба идей, во многом определявшая и конкретные формы преобразований, и выбор общей ориентации той или иной страны. Одним из главных спорных моментов сразу же сделался вопрос о месте культурного наследия в процессе национального строительства, или же, говоря шире, о роли сложившихся традиций во всех сферах общественной жизни.

Но роль традиции занимает отнюдь не одни только освободившиеся страны. Не менее важна она и для развитых стран, принадлежащих к обеим существующим в мире общественно-политическим системам. В первую очередь — при проведении ими своей